

ПОЛЬСКО-СИБИРСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Поляки в Сибири

в конце XIX —
первой четверти XX века

историографические традиции,
новые направления
и перспективы исследований

Коллектив авторов
Поляки в Сибири в конце
XIX – первой четверти XX
века: историографические
традиции, новые направления
и перспективы исследований
Серия «Польско-сибирская библиотека»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65107581

*Поляки в Сибири в конце XIX – первой четверти XX века:
историографические традиции, новые направления и перспективы
исследований / науч. ред. Т. Амброзьяк, С. А. Мулина: Алетейя; Санкт-
Петербург; 2021
ISBN 978-5-00165-263-2*

Аннотация

В сборнике собраны статьи польских и российских историков, отражающие различные аспекты польского присутствия в Сибири в конце XIX – первой четверти XX вв. Авторами подведены итоги исследований по данной проблематике, оценены их дальнейшие перспективы и представлены новые наработки ученых.

Книга адресована историкам, преподавателям, студентам, краеведам и всем, интересующимся историей России и Польши.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	8
Список сокращений	20
Раздел I	24
Сибирская «Земля обетованная» на фоне модернизационных процессов Российской империи: перспективы исследования	24
Ссылка поляков в Сибирь в XIX веке.	50
Обзор польских и российских / советских публикаций ¹	
Конец ознакомительного фрагмента.	58

**Поляки в Сибири в конце
XIX – первой четверти XX
века: историографические
традиции, новые
направления и
перспективы исследований**

Издание осуществлено при поддержке Польского культурного центра в Москве

ПОЛЬСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР МОСКВА

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В. А. Скубневский*
(Алтайский государственный университет, Россия)

доктор наук, профессор *Э. Небельский* (Люблинский католический университет имени Иоанна Павла II, Польша)

В оформлении обложки использованы фотографии: Военнослужащие 5-й польской стрелковой дивизии в Сибири, зима 1919/20 гг. (на передней стороне обложки);

Гостиница <Центральное Деко> и <Варшавский магазин> в Иркутске, Католический костел Успения Богородицы в Иркутске (на задней стороне обложки)

© Коллектив авторов, 2021

© Т. Амброзьяк, С. А. Мулина, редакция, 2021

© Польский культурный центр в Москве, перевод с поль-

ского, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Предисловие

Конец XIX – первая четверть XX вв. занимают в истории российской Полонии особое место. Этот период, отмеченный Первой мировой и Гражданской войнами, разрушением Российской империи, созданием советского государства и независимой Польши, оказывается чрезвычайно интересным с позиции изучения межнациональных отношений, в том числе польско-российских. Изменяется облик самой Полонии. Уже в последней трети XIX в. существенно сокращается поток польских политических ссыльных в Сибирь и увеличивается количество добровольных мигрантов с территории западных губерний: рабочих, чиновников, инженеров, крестьян, отправляющихся за Урал в поисках заработка и земли. С началом Первой мировой войны во внутренних губерниях Российской империи появляются беженцы с оккупированных территорий и военнопленные, среди которых были поляки, служившие в австро-венгерской и германской армиях. Численность польской диаспоры быстро растет, Полония становится более разнородной по социальному составу и происхождению, более выразительно проявляются попытки ее самоорганизации. Создаются римско-католические благотворительные общества, укрепляются религиозные общины, политические и военные польские организации. Не удивительно, что в этот период мы наблюдаем ши-

рокий спектр процессов трансформации культурной идентичности сибирских поляков. По мнению российского историка Леонида Ефремовича Горизонтова, присутствие в России в период Первой мировой войны поляков из всех регионов их проживания позволило моделировать встречу в независимой Польше, где предстояло консолидироваться долгое время разделенной польской нации¹.

Идея активизации исследований российской Полонии этого периода родилась еще в 2017 г., накануне 100-летнего юбилея независимости Польши. Ее идейным вдохновителем стал Дариуш Клеховский, занимавший в то время должность директора Польского культурного центра в Москве. Предполагалось, объединив усилия польских и российских ученых, инициировать масштабный проект по исследованию истории 5-й Польской стрелковой дивизии. Первым шагом в этом направлении стала научная конференция *Поляки в Сибири в условиях социальных катаклизмов: люди, институции, процессы, образы (конец XIX – первая четверть XX века)*, организованная и проведенная в Москве 15–16 сентября 2017 г. совместно Польским культурным центром и Бюро исторических исследований Института национальной памяти в Варшаве. Организаторы конференции планировали не только дать оценку современному состоянию изу-

---

¹ Горизонтов Л. Е. Метаморфозы идентичности поляков в России в период Первой мировой и Гражданской войн. (На материале воспоминаний Романа Дыбоского) // Славянский альманах 2016. М.: Индрик, 2016. С. 79.

чения истории польского присутствия за Уралом в конце XIX – начале XX вв., но и определить новые направления и аспекты изучения темы, возможности междисциплинарных подходов и теоретического осмысления уже собранного конкретно-исторического материала. В ходе работы конференции предполагалось сформулировать несколько концепций, которые будут положены в основу будущих совместных польско-российских научных проектов. На этой встрече польские и российские исследователи пришли к выводу, что история польских военных формирований эпохи Гражданской войны должна рассматриваться в контексте истории польского населения Сибири конца XIX – первой четверти XX вв.

Продолжением указанной конференции стал научный семинар *Поляки в Сибири и на Дальнем Востоке в XIX–XX вв.*, проведенный в Польском культурном центре в Москве 26 февраля 2019 г. На семинаре основное внимание было уделено анализу современной историографической ситуации в польско-сибирских исследованиях и возможностей использования новых подходов в изучении этой темы. Именно во время этих встреч родилась идея сборника статей, в котором были бы подведены итоги исследований по проблематике присутствия поляков в Сибири в конце XIX – первой четверти XX вв., оценены их дальнейшие перспективы, представлены некоторые наработки исследователей.

Книга состоит из двух разделов. Первый (*Поляки Азиат-*

ской России в социально-этнической картине и исторической памяти), содержит восемь статей. Сборник открывает текст ученого из Ягеллонского университета, одновременно являющегося сотрудником Института национальной памяти в Кракове, доктора наук Хенрика Глембоцкого *Сибирская «Земля обетованная» на фоне модернизационных процессов Российской империи: перспективы исследования*. Краковский историк рассматривает процесс добровольного переселения поляков в Сибирь в широком контексте внутренней и внешней политики России, модернизационных процессов, развернувшихся в стране на рубеже XIX–XX вв.

Далее следуют несколько историографических статей, анализирующих наработки в исследовании польской сибиряды и ее отдельных вопросов. Специфика очерка профессора Веслава Цабана из Университета Яна Кохановского в Кельце (*Ссылка поляков в Сибирь в XIX веке. Обзор польских и российских / советских публикаций*) состоит в попытке собрать и проанализировать многочисленные региональные исследования по истории поляков в Сибири и других регионах политической ссылки. При этом автор обращает внимание не только на академические издания, но и многочисленные работы краеведов, генеалогов, членов российской Полонии, где подчас можно встретить уникальные сведения из семейных архивов и частных коллекций. Интересна попытка автора проследить наличие польских корней у исследователей, вовлеченных в польскую тематику. В одних случаях

польское происхождение определяло научный интерес историка, подталкивая к изучению польских сюжетов, а в других, напротив, интерес к польской истории актуализировал польскую идентичность авторов, нацеливал их на поиск собственных польских предков.

В другой форме построен очерк адъюнкта Института русистики Варшавского университета Петра Глушковского *Польско-сибирские исследования: наработки и перспективы*. Автором проанализированы факторы, способствующие и препятствующие развитию польско-сибирских исследований. По его мнению, существуют широкие перспективы изучения данной проблематики, однако важным условием успеха новых изысканий является сотрудничество польских и российских историков, а также привлечение к исследованиям представителей других областей гуманитарного знания. Стоит отметить, что Петр Глушковский и Веслав Цабан сходятся во мнении о необходимости составления библиографического справочника всех работ о поляках в Сибири.

Обращают на себя внимание статьи историков из Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского: С. Мулиной, А. Крих и Н. Суворовой. Исследуя различные категории польского населения в Сибири, авторы раскрывают механизмы идентификации поляков, описывают различные варианты проявления польской идентичности в Сибири.

Светлана Мулина в статье *Поляки в омских учебных заведениях аграрного профиля в первой трети XX века* ана-

лизирует проблему внешней этносоциальной идентификации российского студенчества. На основе канцелярской документации омских вузов автор показывает трансформацию языка описания социально-этнического облика учащихся и приходит к выводу, что делопроизводство и дореволюционной, и советской высшей школы не позволяет адекватно описать этнический состав студенчества и его польскую составляющую.

В статье Натальи Суворовой *Чиновники польского происхождения в колонизационных структурах позднеимперской и раннесоветской России* в центре внимания оказывается другая социально-профессиональная страта польского населения империи. Интересна сама категория анализируемых служащих. Как показывает автор, чиновники колонизационных ведомств имели возможность максимально проявить на служебном поприще свои таланты, работали идейно, часто отличались демократическими взглядами. Опираясь на значительную источниковую базу, автор вычленяет чиновников польского происхождения, одновременно анализируя механизмы их идентификации современниками и историками, отмечая источниковедческие и методологические сложности выявления «польского элемента» в среде российского чиновничества. Не ограничивая исследования 1917 годом, автор демонстрирует определенную преемственность кадровой политики советского государства, а с другой стороны, изменение механизмов этнической идентификации служащих

в первые десятилетия советской власти.

Статья Анны Крих *Этносоциальная идентичность и идентификация польского населения в Западной Сибири (конец XIX–XX век)* интересна тем, что трансформация этнической идентичности локальных групп польского населения рассмотрена во взаимосвязи с процессами внешней этносоциальной идентификации поляков в Сибири. На протяжении длительного периода – с конца XIX века и на протяжении XX столетия, – прослежены различные варианты внешнего приписывания этнических статусов локальным польским сельским сообществам, отраженные в материалах учета населения, которые сопоставлялись с личной и групповой самоидентификацией потомков польских переселенцев, прослеживаемой по полевым материалам, собранным автором в ходе этнографических экспедиций. Можно предположить, что реконструкция истории других польских деревень может выявить столь же интересные метаморфозы польской идентичности в локальном сообществе.

Первый раздел сборника завершают статьи, посвященные полякам, появившимся в Сибири в результате Первой мировой войны. Профессор Дариуш Тарасюк из Института истории Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине в статье *Польские беженцы в Сибири в годы Первой мировой войны: рассуждения о степени разработанности проблемы* представил выразительный историографический обзор польских и российских исследований по этой теме, выде-

лил белые пятна в изучении польского беженства и обозначил перспективы дальнейших исследований. Статья новосибирского историка, профессора Леонида Островского *Польские военнопленные в Сибири. Условия выживания в плену (1914–1922 годы)* представляет собой конкретно-историческое исследование судеб этой категории поляков в Западной Сибири, позволяющее оценить спектр документов по данной проблеме, хранящихся в сибирских архивах. Автор анализирует численность и состав польских военнопленных в Сибири, их материальное положение, а также проблему использования труда пленных в промышленности, сельском хозяйстве и сфере обслуживания.

Второй раздел сборника (*Польские военные и гражданские институции на территории Сибири*), также состоящий из восьми статей, открывает историографический текст научного сотрудника Института истории Польской академии наук Мариуша Кулика *5-я Польская стрелковая дивизия – состояние исследований*. Автор анализирует достижения российской и польской историографии в изучении польских военных формирований на Востоке, прослеживает, как отразилось на проблематике исследований вовлечение в научный оборот новых источников (воспоминаний, дневников солдат, корреспонденции тех лет). По мнению автора, состояние исследований по истории 5-ой Польской дивизии «будет непрерывно улучшаться», вследствие введения в научный оборот новых архивных источников и нового прочтения

уже опубликованных, но «забытых» документальных материалов.

На конкретно-историческом материале вопрос создания польских военных формирований рассматривается в статье профессора Вальдемара Резмера из Университета Николая Коперника в Торуня *Поляки в России и в Сибири в 1917–1922 годах: вооруженная борьба, мартирология, пути на родину*. Автор также уделяет большое внимание характеристике новых источников для детального изучения польского присутствия на востоке европейской части России и в Сибири, указывает на необходимость издания монографии о вооруженной борьбе, мартирологии и возвращении польских солдат из России в Польшу в 1917/1922 гг.

Процессы политической активизации польского населения Азиатской России в период революции и Гражданской войны стали предметом интереса со стороны профессора Томского государственного университета Ираиды Нам в тексте *Политическая мобилизация поляков в Сибири в условиях революций 1917 года*. Автор отмечает разнонаправленность деятельности польских политических партий, одни из которых стремились к национальной консолидации и воссозданию польской государственности, другие же принимали участие во внутривнутриполитической борьбе за демократизацию политического строя России.

Под другим углом зрения в тексте *Региональная сеть филантропических организаций католической церкви в Сибири*

(XIX – первая четверть XX века) смотрит на польские сообщества Сибири историк из Новосибирска Татьяна Недзелюк. Объект ее исследования – римско-католические благотворительные общества, которые она рассматривает не только как вариант этнической общины, но и поле реализации личных амбиций отдельных ее членов.

Обзорный характер носит статья профессора Института демографических исследований РАН Владимира Дацышена *Поляки в Приенисейском крае: из предыстории 5-й польской дивизии*. Автор затрагивает такие проблемы, как: участие польских формирований в Гражданской войне, репатриация поляков по Рижскому мирному договору, политика советской власти по отношению к польскому населению страны и т. д. Кроме обширного круга проблематики, плюсом статьи является широкий исторический контекст региональной истории, представленный автором, множество конкретных примеров, демонстрирующих противоречивость судеб поляков в Сибири в первые годы после революции 1917 г., а также анализ местной большевистской прессы и ее отношения к происходящим в стране событиям и участию в них поляков.

Статья торуньского историка Яна Висьневского *Между союзниками. Позиция чехословацких и российских властей в отношении создания польских военных подразделений в Восточной Сибири в 1918–1919 годах* посвящена рассмотрению этого важного аспекта формирования польских отрядов, а также эволюции отношений между польским и че-

хословацким командованием. По мнению исследователя, их ухудшение сказалось на эффективности военного сотрудничества обеих сторон и стало одной из причин оставления польских отрядов без помощи во время эвакуации из Сибири.

Последующая судьба польских солдат проанализирована историком из Новосибирского государственного университета Ренатой Оплаканской в статье *Между капитуляцией и репатриацией. Положение военнопленных 5-й польской дивизии в Сибири*. Как отмечает автор, кроме общих факторов, таких как тяжелое социально-экономическое положение в регионе, недостаток продовольствия, эпидемии, положение польских военных осложняли антипольские настроения в обществе в период войны 1919–1921 гг. и установки советской власти.

Памяти о польских военных формированиях в Сибири посвящена статья сотрудника Института польской филологии Университета Адама Мицкевича в Познани, профессора Збигнева Копеча *5-я польская дивизия в журнале «Сибиряк»*. Автор смог реконструировать образ польского солдата, сражавшегося в Сибири, функционировавший на страницах польского межвоенного ежеквартальника «Сибиряк», процесс его героизации и виктимизации, а также зафиксировать появление определенных исторических установок в осмыслении роли 5-ой дивизии польских стрелцов в Гражданской войне в России.

Таким образом, представленные в сборнике исследования российских и польских ученых освещают широкий спектр проблематики. Авторы оперируют различными источниками, поэтому не удивительно, что по некоторым вопросам формулируют разные точки зрения, например, по проблеме численности поляков в Сибири. Многообразие исследовательских ракурсов позволяет рассматривать данное издание как своеобразную дискуссионную и коммуникативную площадку в польско-российском научном диалоге. Мы искренне надеемся, что публикация сборника будет способствовать росту исследовательского интереса к истории поляков в Сибири в конце XIX – первой четверти XX вв.

Томаш Амброзьяк, Светлана Мулина

Список сокращений

АААКК – Архивное агентство Администрации Красноярского края

АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации

АМКМ – Архив Минусинского краеведческого музея им. Мартьянова

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГААК – Государственный архив Алтайского края

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАНО – Государственный архив Новосибирской области

ГАТО – Государственный архив Томской области

ГБУТО ГАТ – Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»

ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области

ГКУ РХ «Национальный архив» – Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив»

МАЭ ОмГУ им. Ф. М. Достоевского – Музей археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

МКУ «Архив города Минусинска» – Муниципальное ка-

зенное учреждение города Минусинска «Архив города Минусинска»

НИАБ в г. Гродно – Государственное учреждение «Национальный исторический архив Беларуси в Гродно»

НМИ ОмГАУ – Народный музей истории Омского государственного аграрного университета

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи

РГВА – Российский государственный военный архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив

ТФ ГИАОО – Тарский филиал Государственного исторического архива Омской области

ТТДТАУ – Центральний Державний Хсторичний Архив Укра'ни, м. Львів (Центральный государственный исторический архив Украины в г. Львове)

AAN – Archiwum Akt Nowych w Warszawie (Архив новых актов в Варшаве)

Akta WP – Akta Wojsko Polskie na Syberii (Акты Войска Польского в Сибири)

AMZV – Archiv Ministerstva zahranicnich veci CR (Архив Министерства иностранных дел Чешской Республики)

APKW – Akta Polskiego Komitetu Wojennego (Акты Польского военного комитета)

SAW – Centralne Archiwum Wojskowe w Warszawie (Центральный военный архив в Варшаве)

DAH – Dowództwo Armii Hallera (Командование армии Галлера)

DCZP VC – Dokumenty ceskoslovenske zahrani ni politiky. Vznik Ceskoslovenska (Документы чехословацкой внешней политики. Возникновение Чехословакии)

FSA – Fond „Sibirske archivy" (Фонд «Сибирский архив»)

KNP – Komitet Narodowy Polski w Paryżu (Национальный комитет Польши в Париже)

KP w Mandżurii – Kolonia Polska w Mandżurii (Польская колония в Манчжурии)

MSWojsk. – Ministerstw Spraw Wojskowych (Министерство военных дел)

MV OvR – Ministerstvo vojenstvi oddeleni v Rusku (Министерство обороны департамент в России)

NDWP – Naczelné Dowództwo Wojska Polskiego (Верховное командование Войска Польского)

PKW – Polski Komitet Wojenny (Польский военный комитет)

PMW – Polska Misja Wojskowa (Польская военная миссия)

PMWS – Polska Misja Wojskowa na Syberii (Польская военная миссия в Сибири)

RPZM – Rada Polska Zjednoczenia Międzypartyjnego (Польский совет межпартийного объединения)

ÜVA VHA – Üstredni vojensky archiv Vojensky historicky archiv (Центральный военный архив Военно-исторический архив)

VO – Vojensky Odbor (Военный отдел)

ZNiO – Zakład Narodowy im. Ossolińskich (Национальный институт им. Оссолинских)

Раздел I

Поляки Азиатской России в социально-этнической картине и исторической памяти

Сибирская «Земля обетованная» на фоне модернизационных процессов Российской империи: перспективы исследования

Хенрик Глембоцкий

Аннотация: В статье вопрос о добровольном переселении поляков в Сибирь в течение последних трех десятилетий существования Российской империи рассматривается в контексте стратегии хозяйственного освоения и использования земель за Уралом. Представления, встречающиеся до настоящего времени в польской «сибирской» литературе, побуждают к рассмотрению итогов этих исследований в более широкой перспективе внутренней и внешней политики России. В статье констатируется необходимость принятия во внима-

ние стратегий и методов Российской империи, использованных в колониационной политике за Уралом, а также в отношении ее многонациональных окраин.

На рубеже XIX–XX вв. в России проходили ускоренные процессы модернизации, которые дестабилизировали ее отсталый общественный строй. Колонизация обширных территорий Российской Азии благодаря строительству Транссибирской магистрали должна была снять социальное напряжение не только в центре, но и на «нерусских», особенно западных окраинах. В обозначенной подобным образом перспективе инициирование миграции населения могло способствовать освобождению скрытого человеческого ресурса и вовлечению его в освоение природных богатств. «Великая колонизаторская миссия» империи, направленная на освоение обширных евроазиатских территорий и их потенциала, должна была стать основой укрепления позиции Российского государства на мировой арене в состязании с другими державами.

С другой стороны, отток населения из наиболее подверженных дестабилизации западных окраин империи позволял снять появившееся там напряжение. Начало очередного этапа внутренней российской колонизации, особенно после революции 1905 г., должно было спасти империю от сил хаоса, действующих не только в глубине государства, но и на его окраинах. Это могло стабилизировать разрушительные стихии и реализовать потенциал, который бы сплотил и усилил

государство, дал бы ему прочную позицию на международной арене. Как кажется, разрешение на добровольное переселение из польских земель, бывших до того момента главным источником дестабилизации, было важным компонентом этой политики.

Широкое рассмотрение указанных в статье явлений позволило бы лучше понять механизмы и факторы, которые вызвали и направляли процесс добровольного переселения в Сибирь, в частности, польского населения в течение последних трех десятилетий существования многоэтничной Российской империи.

Ключевые слова: Сибирь, Польша, Россия, миграция, ссылка, многоэтничная Российская империя, геополитика, модернизация, колонизация.

Среди главных направлений польской «сибиркой историографии» после 1989 г. налицо отсутствие сравнительных исследований, учитывавших всю полноту колониционной политики, проводимой российскими властями (обзор польских и российских публикация на тему ссылных в Сибирь см.: [1; 2; 3; 4]). Ввиду наличия обширного корпуса литературы, посвященной польской экономической эмиграции в XIX и XX вв., в первую очередь в Америку (контуры этой проблематики очерчены в: [5]), стоило бы рассмотреть переселение в Сибирь в контексте перемещения населения в иных направлениях, в том числе за пределы Евразии. Кро-

ме того, необходимо провести анализ стратегий и методов политики Российской империи в отношении ее многонациональных окраин¹, в особенности в сопоставлении с иными державами, стоящими перед сходными вызовами, связанными с колонизацией необжитых территорий и хозяйственным освоением сокрытого в них потенциала (пример сравнения процессов колонизации Сибири и Аляски см.: [6]).

Суммарно в 1897–1905 гг. в Сибирь переехали 900 тыс. человек. Поляки составляли около 2 % этого человеческого потока. Однако среди 3–4 миллионов переселенцев, которые оказались в Сибири до 1914 года, поляков был уже только 1 %. В течение 35 лет добровольной миграции суммарно в Сибирь могли переехать около 30 тыс. поляков. В то же время в 1910 году, по данным статистики того времени, только в Соединенные штаты из Европы эмигрировал 1,041 млн человек. Среди них на втором месте после итальянцев оказались поляки в количестве 128 тыс. (12,5 %). На третьем месте располагаются евреи – 81 тыс. (10 %). Русские находились в конце этого списка [7, с. 111; 8, с. 111–126].

Кроме добровольных переселенцев поляки также составляли существенную часть политических ссыльных. Вслед за исследовательницей истории Сибири как «самой большой тюрьмы на свете» Эльжбетой Качиньской стоит обратить внимание на тот факт, что, если в целом политические заключенные составляли небольшой процент от совокупности ссыльных (едва 1 %, после 1905 г. – 5 %), то в случае поляков

пропорции были обратные. В 1906–1909 гг. в общем числе административных ссыльных 36,6 % были русские, тогда как поляки составляли целых 34,9 % (контуры общественных явлений, связанных с присутствием поляков в Сибири, см.: [9; 10]).

Добровольной миграции за Урал сопутствовала практика рассеивания на бескрайних просторах Российской Азии польских поселенцев, чтобы предотвратить создание ими этнических анклавов, а также, чтобы они составляли не более 10 % от местных жителей. Нерусское население, в том числе поляков, старались расселять небольшими группами, рассчитывая на их скорую ассимиляцию.

На фоне детальных изысканий кажется принципиальным вопрос, к чему должны были привести запущенные таким образом миграционные процессы. Речь шла ведь не только о поляках, которые, как упоминалось, в масштабах всех поселенцев на обширных территориях Сибири составляли до 1914 года лишь 1–2 %.

В высказываниях и дискурсе российских элит, звучащих в то время, проявляется оценка этого процесса как важного элемента «великой колонизаторской миссии» империи на Востоке (описание дискуссий среди российских элит на тему колонизации той эпохи см.: [11]). Подобные рассуждения были характерны не только для консервативных кругов власти, но и для иных политических течений. Один из главных теоретиков либеральной антицарской оппозиции того пери-

ода Петр Бернгардович Струве выдвигал требования сглаживания опасных для государства национальных и общественных тенденций, в частности на окраинах (подробнее о П. Б. Струве см.: [12; 13; 14]). Этот идеолог российской социал-демократии, автор «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии» 1898 г. на следующем этапе своей идейной эволюции стал со-основателем либеральной партии кадетов, а после революции 1905 г. выступал против левых лозунгов российской интеллигенции (на это указывает Анджей Новак, анализирующий концепции российских геополитиков того времени [15]). Голос Струве отображал видение и взгляды либеральной политической альтернативы автократическому царскому режиму, но также и радикального левого движения оппозиции, стремящегося к социальной революции. В его высказываниях 1908 г. можно усмотреть очертания «либеральной империи», подчиненной интересам модернового национализма. Образцом для русских, с точки зрения Струве, должна была быть Британская империя, которая достигла в тот момент апогея своей колониальной экспансии. По примеру англичан русские должны были, как полагал политик, начать реализацию подобной программы в союзе с либеральными державами как часть западного мира [15].

Британский историк, изучающий Россию и мировые империи, Доминик Ливен называет этот проект «либеральным национализмом» и попыткой воплотить концепцию «либе-

ральной империи» [16]. До катастрофы Первой мировой войны могло казаться, что это реальная альтернатива не только поддержанию автократического царского режима, но и временно приглушенной в тот период революционной опасности. Это могло не только обеспечить России место в международной системе, но и должно было также разрешить ее внутренние проблемы, болезненным *memento* которых стали близкие события 1905 г.

Революция показала, сколь существенной была необходимость сохранения спокойствия на периферии, которая продемонстрировала тогда соединение двух ключевых факторов дестабилизации многоэтничного государства – требований национальных и социальных. Именно здесь, на окраинах более развитых, чем центр империи, населенных народами с наиболее сформированной национальной идентичностью, сгущались опасные явления. Этот деструктивный потенциал, проявившийся в 1905 г., идущий из Финляндии и Остзейских губерний через провинции бывшей Речи Посполитой до самого Кавказа, должен был прозвучать снова в 1917 г. (На это в своей классической работе указывал Ричард Пайпс [17], сравните с польским изданием: [18], также см.: [19; 20]).

Силы, грозящие империи разрушением, проявились именно на окраинах государства. Освободительные выступления были там особо интенсивны. Достаточно вспомнить, что четверть всех смертных приговоров, вынесенных за уча-

стие в революции 1905 г. пришлось на небольшое Царство Польское, а 15 % – на Остзейские губернии [19, с. 245]. Революционная угроза склонила власти в большем объеме использовать этнические столкновения на окраинах. Задействованы были не только антисемитские лозунги, но и, например, конфликт в Закавказье между армянским христианским, главным образом, городским населением и мусульманами-азербайджанцами, проживавшими по преимуществу в селах [19, с. 242–251; 20]. Зримым подтверждением силы и устойчивости этнического фактора стало присутствие в российской Думе 1905 г. многочисленного представительства нероссийского меньшинства [19, с. 251–257].

Русские националисты, как, например, главный идеолог и публицист того круга, ведущий автор влиятельной газеты «Новое время» Михаил Осипович Меньшиков, видели в этом постепенно уменьшающемся в следующих четырех Думах представительстве нерусских окраин предвестника повторения Россией сценария распада Первой Речи Посполитой и той роли, какую сыграл в её анархизации парламент. Носителем анархии и сепаратизма должны были быть поляки, заражающие ими другие народы империи. Особую опасность представляла идея обособленности украинцев («мазепинство»), поддерживаемая извне Австрией при помощи «ягеллонской диверсии», то есть поляков. Ответом на расцениваемую как разрушительная сила внутреннюю угрозу, приистекающую, в первую очередь, со стороны «польско-жи-

довской интриги», в борьбе за выживание государства должна была быть не модель «либеральной империи», а русский национализм [21].

Условием реализации проекта построения великой мировой державы в форме, предложенной Струве, или удовлетворения требований крайних националистов, разделяющих взгляды Меньшикова и Всероссийского национального союза, было примирение интересов государства с потребностями активизирующихся масс. Предложение участвовать в плане развития России могло быть также адресовано жителям этнически разнородных окраин. Характерно, что в проекте «Великой России», в соответствии с предложением Струве, Польша и Финляндия как наиболее развитые провинции, обладающие сильной культурной и национальной идентичностью, должны были быть удовлетворены наделением их правами автономии. Таким образом, чуждые по идентичности, проявившие свои опасные для империи чаяния уже в 1905 г., они могли быть вовлечены в процесс ее модернизации и расширения через хозяйственное освоение огромных территорий Российской Азии.

Образец этой модели мы можем найти в экспериментах социальной политики середины XIX в. Николая Милютина. Он был представителем среды «либеральных бюрократов», старавшихся использовать режим царской автократии для модернизации России и подчинения монархии национальным интересам. Он стал одним из авторов и воплоти-

телей крестьянской реформы 1861 г. Впоследствии Милютин руководил Комитетом по делам Царства Польского, который для подавления восстания 1863 г. предпринял попытку целостного переустройства общественных и культурных отношений в регионе [22, с. 470–514]. Именно в концепциях этого круга можно усмотреть образец политики усмирения земель, которых касался «фатальный» для России после Январского восстания польский вопрос. Царство Польское, в котором использовались методы социальной инженерии с целью привлечь крестьянское население и склонить его на сторону царского правительства, могло стать лабораторией требуемых перемен в иных регионах. Это, как кажется, была первая в России попытка проведения подобного рода политики в большом масштабе. Уже тогда прозвучало адресованное польским крестьянам предложение участия в модернизационных процессах в России и получения ощутимой социальной и экономической прибыли от расширения «либеральной империи», идея, которая полвека спустя будет развита Петром Струве.

Начало следующего этапа внутренней российской колонизации на рубеже XX в. должно было спасти империю от сил хаоса, выступавших не только в центральных районах, но, как показала революция 1905 г., и на окраинах государства. Оно могло бы стабилизировать деструктивные стихии и активировать потенциал, который бы сплотил и усилил государство, обеспечил бы ему прочное место в мировом по-

рядке. Разрешение на добровольное переселение также из польских земель, бывших до того момента главным источником дестабилизации, могло казаться важным компонентом этой политики. Однако для лучшего понимания обозначенных явлений необходимо принять во внимание не только региональную, но также глобальную перспективу, а также провести более глубокие архивные исследования с целью изучения места добровольного переселения поляков во всей совокупности данной политики (контуры эмиграции из России и внутренней миграции см.: [23]).

Встречающиеся в польской «сибирской» литературе представления побуждают к синтезу итогов проведенных на данный момент исследований в более широкой перспективе внутренней и внешней политики России. Россия, как описывают её так называемые империологи, главным образом упомянутый британский историк Доменик Ливен, на рубеже XIX–XX вв. была все еще типичной континентальной и сельскохозяйственной империей [24, с. 415–453]. В ней, однако, проходили ускоренные процессы модернизации, которые дестабилизировали её отсталый общественный строй. Вызванные этим изменения разрывали корсет консервативного автократического режима, произраставшего из традиции домодерновой империи, возникшей до эры национализма, массовых движений и капиталистической экономики.

Корректировка этой модели, основанной на верности престолу, произошла уже во второй половине XIX в., в эпо-

ху великих реформ, которые были ответом на поражение в Крымской войне. В этот период зазвучали призывы к союзу русского национализма и монархии, требования полной «национализации» многоэтничного государства. Идеологическим предводителем русского национализма под антипольскими лозунгами и лидером общественного мнения, оказывающим влияние через прессу, стал публицист Михаил Катков [25]. После апробации новых методов русификации на взбунтовавшихся вновь в 1863 г. поляках, начиная со времени вступления на трон следующего самодержца Александра III их начали использовать и на остальных окраинах.

Поражение в войне с Японией и события революции 1905 г. все же показали слабость России. После революционных потрясений консервативные реформы Столыпина должны были способствовать стабилизации общественного строя и сохранению автократической модели власти. С этим было связано изменение модели коллективного владения и возделывания земли крестьянами на индивидуальное, а также ускорение процесса начатой еще министром С. Ю. Витте колонизации обширной территории Российской Азии. Это должно было разрядить социальное напряжение не только в центре, но и на окраинах (контуры колонизации Сибири во второй половине XIX в. см.: [26], сравните с описанием этого явления российским историком: [27; 28]). Предложение участия в этих процессах модернизации было адресовано, в частности, населению западных провинций, в том числе та-

ких наиболее развитых, как земли бывшей Речи Посполитой. О том, каким целям и проектам оказались подчинены эти модернизационные шаги, говорят концепции тогдашних российских геополитиков. В то время не только в России набирали популярность теории, объясняющие влияние географии на политику, описывающие происходящие процессы установления великими колониальными империями своего господства в мире. Они поделили между собой земной шар, создав систему великих держав. Чтобы занять в ней место и справиться с нарастающей конкуренцией, Россия должна была сохранить стабильность собственного общественного строя и активировать потенциал, накопленный в результате многовековой экспансии.

Описывающий эти процессы современник, британский создатель целой геополитической школы Хэлфорд Маккиндер отмечал, что будущее мира будет принадлежать не морским державам, как это было ранее, а континентальным [29]. Наибольшего достигнут те страны, которым удастся открыть свои недра для разработки и высвободить скрытые там ресурсы [30, с. 109–111]. Такое будущее могла иметь перед собой и Россия, владеющая негостеприимным «сердцем суши» и проводящая центробежную экспансию к морям и океанам [31; 32, с. 27–97, 159–219, 297–323]. Раскрытия ее потенциала опасались не только британцы, позицию которых выражал Маккиндер, но и немцы.

Один из создателей российской геополитики Вениамин

Петрович Семенов-Тян-Шанский, сын знаменитого путешественника и первооткрывателя азиатских краев Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, автор альтернативной по отношению к Маккиндеру концепции, описывающей политическую географию России, определял её положение как модель континентальной империи «от моря до моря». Российским ответом на вызов, каким был контроль над обширным сухопутным пространством, должна была быть опора на внешних океанах, омывающих Евразию. Это требовало колонизации занятых уже территорий, в особенности за Уралом. С этой целью было необходимо повышение уровня развития окраин до соответствующего центральному региону. С этим была связана концепция создания «колонизационных баз» в форме анклавов ускоренного развития, которые на азиатских территориях, а особенно в южной Сибири, должны были влиять на окружающую местность [33].

В обозначенной подобным образом перспективе политика переселения могла способствовать освобождению скрытого человеческого ресурса и вовлечению его в освоение богатств Российской Азии. С другой стороны, отток населения из наиболее подверженных дестабилизации западных окраин империи позволял снять появившееся там в 1905 г. напряжение. Среди польских исследователей, обращавшихся к изучению присутствия поляков в Сибири, на проблему польских переселенцев в широком контексте российской миграционной политики и колонизации Азии до настоящего

времени обратили внимание, как кажется, только Владислав Мясняк [7; 34; 35] и Сергей Леончик [8, с. 29–52, 71–84, 111–126].

Переселение, в особенности бедных крестьянских масс, а также получение ими реальной выгоды от участия в освоении и развитии государства, в котором они жили, были предложением также для нерусского населения, в первую очередь, проживающего в этнически чуждых землях. Процессы внутренней миграции могли таким образом служить делу привлечения к русской православной идентичности тех народностей, в отношении которых политика русификации до сих пор не приносила результата (различные концепции русификации и этнической политики в отношении жителей западных окраин в XIX в. были мной представлены в книге: [36]). Однако эти явления требуют более глубоких источниковых исследований.

Доменик Ливен в своей книге, в которой анализируется путь России до Первой мировой войны, указывает на то, что начало XX века было периодом гонки за позицию в международной системе. Чтобы участвовать в ней Россия должна была принять вызов, каким была для нее попытка активации потенциала, накопленного в процессе многовековой колонизации просторов Евразии. Добровольное переселение населения как элемент социальной и экономической политики должно было стать более современной формой старых механизмов «внутренней колонизации»². Именно из эксплуа-

тации крестьянских подданных российские элиты извлекали ресурсы на протяжении веков строительства и распространения этой континентальной, сельскохозяйственной империи (характеристику России как «сельскохозяйственной империи» см.: [30, с. 89–119]). Теперь же, после их освобождения (в 1861 г.) они должны были в новой форме служить освоению обширных, до той поры нетронутых природных богатств Российской Азии. В недалеком будущем также и большевики должны были искать способы применения этих «человеческих ресурсов», однако уже совершенно новыми методами при использовании массового принуждения тоталитарного государства в рамках «сталинской революции». На это явление в новейших изложениях сталинизма обращает внимание, в частности, Йорг Баберовский [37].

* * *

Явления, изучавшиеся в польской «сибирской историографии», анализируемые в различных существующих уже монографиях, стоило бы рассмотреть в более широкой, объединяющей их всех перспективе. Ей была «Великая колонизаторская миссия», направленная на хозяйственное освоение обширных евроазиатских территорий и обретение потенциала, который стал бы основой для укрепления позиции Российского государства на международной арене. Этому способствовало строительство Транссибирской магистрали.

Появилась возможность колонизации Сибири не только используя сосланных в наказание уголовных и политических заключенных или принужденных к переселению крестьян, но и при помощи привлечения их реальной прибылью от разработки неисчерпаемого потенциала Сибири и Средней Азии (резюме проблемы влияния Транссибирской магистрали на миграцию населения в истории Сибири см.: [38; 39, с. 193–212; 40]). Более того, стремление обладать землей, особенно среди населения центральных губерний, было все более ощутимым и становилось одним из главных факторов социальных волнений в российской деревне в 1905 и 1907 гг. В этой игре за будущее России существенно важно было завершить процесс национализации империи через привлечение сельского населения к отождествлению себя со своим государством. Значение также имел вызов со стороны набирающих силу национальных движений, развития национальной идентичности и основанных на этих явлениях идеологии, которые стремились достичь массовой аудитории – не осознающих свою национальную принадлежность крестьян.

Все эти проблемы, накопившиеся в начале XX века, после поражения в войне с Японией вызвали бурный взрыв недовольства. После национальных и социальных революций 1905 г. была предпринята попытка консервативного урегулирования выявленных социальных процессов. Речь шла об использовании их для стабилизации системы царской автократии без изменения её сущности, которой должно было

остаться самодержавие. Таким образом, колонизация Азии могла стать способом реализации этих целей в рамках «консервативной модернизации» и разрешения опасного социального кризиса без необходимости проведения резких социальных и политических изменений. Принятие во внимание этих рассматриваемых в широком плане явлений позволило бы лучше понять механизмы и факторы, которые запустили и управляли процессом добровольного переселения населения, в частности поляков, в Сибирь в течение последних трех десятилетий существования Российской империи.

Перевод с польского: Н. В. Пуминова-Амброзяк (РГГУ)

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Краковский историк Анджей Новак на конференции, посвященной организатору сибирских исследований в Институте истории Польской академии наук Виктории Сливовской, предложил использование этой «парадигмы» в исследованиях репрессивной политики и деятельности политических ссыльных в эпоху национальных восстаний в XIX в. [41].

² Концепция России как страны, которая «сама себя колонизирует», восходит к теориям С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Подобную трактовку развивал в последние годы в первую очередь А. М. Эткинд [42; 43].

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Caban W.* Zsyłka Polaków na Syberię w XIX wieku. Przegląd publikacji polskich i rosyjskich / radzieckich // Przegląd Historyczny. – 2014. – T. 105. -Z. 4. – S. 99-123.

2. *Głuszkowski P.* Современные польские исследования по истории Сибири (Викторья Сливовская и Антони Кучиньский) // Польские исследователи Сибири. – СПб.: Алетея, 2011. – С. 9–17.

3. *Wiech S., Caban W.* Badania nad stosunkami polsko-rosyjskimi XIX wieku w środowisku kieleckich historyków // Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej. – 2015. – Nr 1. – S. 83-113.

4. *Цабан В., Вех С.* Изучение польско-российских отношений в XIX веке в среде историков города Кельце // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии: к 50-летию Комиссии историков России и Польши. – Москва: Индрик, 2017. – С. 275–300.

5. Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.) / pod red. A. Pilcha. – Warszawa: PWN, 1984. – 537 s.

6. *Болховитинов Н. Н.* Континентальная колонизация Сибири и морская колонизация Аляски: сходство и различие // Acta Slavica Iaponica. -Vol. 20. – P. 109–125.

7. *Masiarz W.* Wierszyna: polska wieś na Syberii Wschodniej 1910–2010: z dziejów dobrowolnej migracji chłopów polskich na Syberię na przełomie XIX i XX wieku. – Kraków: Oficyna Wydawnicza AFM, 2016. – 432 s.

8. *Leończyk S.* Polskie osadnictwo wiejskie na Syberii w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. – Warszawa: Impresje.net Miłosz Trukawka, 2017. – 322 s.

9. *Kaczyńska E.* Polacy w społecznościach syberyjskich (1815–1914). Zagadnienia demograficzno-socjologiczne // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego / red. A. Kuczyński. – Wrocław: „Silesia” Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego, 1998. – S. 253–264.

10. *Качинская Э.* Поляки в Сибири (1815–1914). Социально-демографический аспект // Сибирь в истории и культуре польского народа / ред. П. Романов. – Москва: Ладомир, 2002. – С. 265–277.

11. *Sunderlan W.* The „Colonization Question”: Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* -Bd. 48. – H. 2 (2000). – P. 210–232.

12. *Pipes R.* Piotr Struwe: liberał na prawicy 1905–1944 / przełożył Sebastian Szymański. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2016. – 465 s.

13. *Pipes R.* Struve, liberal on the left, 1870–1905. – Cambridge (Mass.); London: Harvard univ. press., 1970. – 415 p.

14. *Pipes R.* Struve: Lit. on the right, 1905–1944. – Cambridge (Mass.); London: Harvard univ. press., 1980. – 526 s.

15. *Nowak A.* Geopolityka, wojna i metamorfozy imperium (1895–1921). Piotr Sawicki i narodziny eurazjanizmu //

Nowak A. *Metamorfozy Imperium Rosyjskiego 1721–1921: geopolityka, ody i narody.* – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018. – S. 323–326.

16. *Lieven D.* *Empire: the Russian Empire and its Rivals.* – New Haven; London: Yale University Press, 2000. – 486 p.

17. *Pipes R.* *The Formation of the Soviet Union, Communism and Nationalism, 1917–1923.* – Cambridge (Mass.); London: Harvard univ. press, 1954. – 355 p.

18. *Pipes R.* *Czerwone imperium: powstanie Związku Sowieckiego / przekł. Władysław Jeżewski.* – Warszawa: Wydawnictwo Magnum, 2015. – 362 s.

19. *Канпелер А.* *Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад / пер. с нем.: Светлана Червонная.* – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 342 с.

20. *Zajączkowski W.* *Rosja i narody: ósmy kontynent: szkic dziejów Eurazji.* – Warszawa: Wydawnictwo MG, 2009. – 253 s.

21. *Nowak A.* *W obliczu końca: imperialna pamięć i wyobraźnia Michaiła Mienszykowa // Nowak A. Metamorfozy Imperium Rosyjskiego 1721–1921: geopolityka, ody i narody.* Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018. S. 293–313.

22. *Głębocki H.* *Fatalna sprawa: kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866).* – Kraków: Arcana, 2000. – 582 s.

23. *Кабузан В. М.* *Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века.* – Москва: Наука, 1998. – 268 с.

24. *Ливен Д.* *Российская империя и её враги с XVI века*

do наших дней. – Москва: Европа, 2007. – 678 с.

25. *Głębocki H.* „Co zrobić z Polską?” Imperium i kwestia polska w ideologii konserwatywnego nacjonalizmu Michała Katkowa // *Kresy imperium. Szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec jej peryferii (XVIII–XXI wiek).* -Kraków: Wydawnictwo Arcana, 2006. – S. 245–305.

26. *Treadgold D. W.* Great Siberian Migration. – Princeton: Princeton University Press, 1957. – 297 p.

27. *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 588 с.

28. *Брусникин Е. М.* Переселенческая политика царизма в конце XIX века // *Вопросы истории.* – 1965. – № 1. – С. 28–38.

29. *Eberhardt P.* Koncepcja „Heartlandu” Halforda Mackindera // *Przegląd Geograficzny.* – 2011. – T. 83. – Z. 2 (2011). – S. 251–266.

30. *Lieven D.* W pożogę: imperium, wojna i koniec carskiej Rosji / przełożył Jakub Ozimek. – Warszawa: Wydawnictwo Akademickie Sedno, 2018. – 575 s.

31. *Nowak A.* Metamorfozy Imperium Rosyjskiego 1721–1921: geopolityka, ody i narody. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2018. – 458 s.

32. *Eberhardt P.* Słowiańska geopolityka: twórcy rosyjskiej, ukraińskiej i czechosłowackiej geopolityki oraz ich koncepcje ideologiczno-terytorialne. -Kraków: Arcana, 2017. – 357 s.

33. *Potulski J.* Wieniamin Siemionow Tien-Szanski jako twórca rosyjskiej szkoły geopolityki // *Przegląd Geopolityczny*. – 2009. – T. 1. – S. 47–54.

34. *Masiarz W.* Migracja chłopów polskich na Syberię w końcu XIX i na początku XX wieku // *Syberia w historii i kulturze narodu polskiego* / red. A. Kuczyński. – Wrocław: „Silesia” Dolnośląskiego Towarzystwa. Społeczno-Kulturalnego, 1998. – S. 230–242.

35. *Masiarz W.* Nietypowa migracja chłopów i robotników polskich na Syberię w końcu XIX i na początku XX wieku // *Nietypowe migracje Polaków w XIX–XXI wieku* / red. nauk. A. M. Kargol i W. Masiarz. – Kraków: Krakowskie Towarzystwo Edukacyjne – Oficyna Wydawnicza AFM, 2011. – S. 11–28.

36. *Kresy imperium: szkice i materiały do dziejów polityki Rosji wobec jej peryferii (XVIII–XXI wiek)*. – Kraków: Wydawnictwo Arcana, 2006. – 568 s.

37. *Baberowski J.* Stalin: terror absolutny. – Warszawa: Prószyński Media, 2014. – 599 s.

38. *Hartley J. M.* Siberia: a history of the people. – New Haven – London: Yale University Press, 2014. – 289 s.

39. *Hartley J. M.* Syberia: historia i ludzie. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. – 347 s.

40. *Marks S. G.* Road to Power: the Trans-Siberian railroad and the colonization of Asian Russia, 1850–1917. – London: Tauris, 1991. – 240 s.

41. *Nowak A.* Zsyłka w kontekście imperialnej polityki

Rosji // *Nowak A.* Historie politycznych tradycji: Piłsudski, Putin i inni. – Kraków: Wydawnictwo Arcana, 2012. – S. 101–133.

42. *Эткинд А. М.* Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – С. 103–124.

43. *Bassin M.* Turner, Solov'ev and the 'Frontier Hypothesis': The Nationalist Signification of Open Spaces // *Journal of Modern History.* – Vol. 65 (1993). -No. 3. – P. 473–511.

Henryk Głębocki

SIBERIAN "PROMISED LAND" IN THE BACKGROUND OF THE MODERNIZATION PROCESSES OF THE RUSSIAN EMPIRE – RESEARCH POSTULATES

Summary: The article deals with the problem of voluntary migration of Poles to Siberia during the last three decades of the Russian Empire, in the context of the strategy of development and exploitation of the land behind the Urals. The themes appearing so far in the Polish "Siberian" literature encourage to show the results of this research in a broader perspective of Russia's domestic and foreign policy. The article postulates the need for a broader consideration of the strategies and methods of the Russian Empire used in the colonization policy behind the Ural Mountains and in the face of its multinational peripheries (okrainy).

At the turn of the 19th and 20th centuries Russia was

undergoing accelerated processes of modernization, which destabilized its lagging social system. The colonization of huge areas of Russian Asia, thanks to the construction of the Trans-Siberian Railway, was supposed to relieve social tensions not only in the centre but also on the non-Russian periphery, especially in the west. In such a perspective, the launch of the migration of masses of people could serve to release hidden human resources and draw them into the exploitation of natural resources. The empire's "The Great Colonial Mission" for the development of the vast Eurasian territories and their potential was to become the basis for strengthening the position of the Russian state on a global scale, in competition with other powers.

On the other hand, the outflow of population from the western periphery of the empire, which was most threatened by destabilization, allowed the tensions revealed there to be defused. The opening of the next internal stage of Russian colonization, especially after the 1905 revolution, was supposed to save the Empire from the forces of chaos that existed not only inside, but also on the peripheries of the state. This could harness the elements of destruction that would lead to stabilization, and activate a potential that would unite and strengthen the state, and give it a solid foundation in the world order. Allowing voluntary migration also from Polish lands, so far, the main source of destabilization of western provinces, seems to be an important component of this policy.

Wider consideration of the phenomena indicated in the article

would allow a better understanding of the mechanisms and factors that triggered and managed the process of voluntary migration to Siberia also for Poles, during the last three decades of the existence of the multi-ethnic Russian Empire.

Key words: Siberia, Poland, Russia, migrations, exile, multiethnic Russian empire, geopolitics, modernization, colonization.

Głębocki Henryk – Doctor hab. at the Institute of History of the Jagiellonian University and researcher at the Institute of National Remembrance (Krakow, Poland). E-mail: henryk.glebocki@uj.edu.pl

Ссылка поляков в Сибирь в XIX веке. Обзор польских и российских / советских публикаций¹

Веслав Цабан

Аннотация: Автор предпринял попытку дать характеристику исследований по истории ссылки в Сибирь в XIX в. В случае с польскими работами список, разумеется, богаче. Что касается российских изданий, то обзор носит достаточно субъективный характер. Были проанализированы публикации, вышедшие в академических центрах: Иркутска, Новосибирска, Томска, Тобольска, Омска и Барнаула. Автор постарался учесть работы, подготовленные краеведами из Тюмени, Кургана и Ишима, их ценность заключается в использовании хорошей источниковой базы. Поскольку в XIX в. так называемая «польская Сибирь» не ограничивалась территорией географической Сибири, включая в себя также Кавказ, Архангельскую и Пермскую губернии, автор рассматривает также публикации, вышедшие в Ставрополе, Краснодаре, Архангельске и Перми. По мнению автора для дальнейших исследований необходимо подготовить библиографический справочник работы российских историков, посвященных польской диаспоре Сибири.

Ключевые слова: Поляки, Сибирь в XIX в., исследования по истории ссылки поляков в Польше и в России.

Сибирь, которую ссылки называли проклятой землей или тюрьмой без решеток, в сознании поляков XIX, и даже XX вв., не ограничивалась географической территорией Сибири, площадью около 10 млн. квадратных километров. «Польская Сибирь» – это понятие, которое включает в себя и другие места ссылки на территории Российской империи. Таким образом, «польская Сибирь» шире географической Сибири, потому что в нее входят также степи Казахстана, Кавказ, и даже Архангельская и Пермская губернии, находящиеся на территории Европейской России. В предлагаемой статье термин «Сибирь» используется в широком значении. Это не исключает возможности – при описании отдельных ситуаций – использования названий строго географических, таких как Сибирь, Казахстан, Кавказ или административно-территориальных: Архангельская губерния или Пермская губерния.

Поляки попали в Сибирь еще в конце XVI в. Первыми там оказались пленные времен войн Стефана Батория с Москвой. Небольшие группы поляков, попавших в плен, были сосланы за Урал в XVII и начале XVIII вв. Первую же большую группу депортированных в Сибирь поляков составляли участники Барской конфедерации. Полагают, что их было более 10 тысяч. После восстания под предводительством Та-

деуша Костюшко польских ссыльных стало еще на несколько десятков тысяч больше. Часть пленных вернулась благодаря Павлу I в 1796 г. и Александру I в 1801 г. Другие остались добровольно и на следы их пребывания натыкались последующие ссыльные.

Вскоре после этого в Сибири опять оказалось несколько тысяч поляков – военнопленных времен похода Наполеона I на Москву. В 1815 г., благодаря амнистии Александра I, они также смогли вернуться в родные места.

Вместе с созданием Царства Польского начинается новый этап в истории сибирской ссылки. Если с конца XVI в. до наполеоновских войн, т. е. более двух столетий, в Сибирь попадали военнопленные, то с 1815 г. и до Первой мировой войны за Урал ссылали за участие в тайных организациях, борющихся за независимость Польши, в восстаниях: Ноябрьском, а затем Январском, наконец, за участие в революционном движении. Таким образом, можно утверждать, что в это время происходила систематическая депортация поляков из Царства Польского и Западного края в Сибирь, носящая политический характер, особое же ее обострение произошло в 30-х – 60-х гг. XIX в.

Этот этап начался с репрессий, обрушившихся на виленскую молодежь из Союза филوماتов и филаретов, а также на учеников школ из Крож, Кейдан, Ковно, Свислочи. Следующими были сосланы члены Патриотического общества, созданного Валерианом Лукасиньским. В общей сложности

до Ноябрьского восстания были сосланы в Сибирь около 60–70 человек.

После Ноябрьского восстания наибольшую группу ссыльных составили участники польско-русской войны 1830–1831 гг., попавшие в плен. В царскую армию вошли около 9300 пленных, из которых примерно 4700 были отправлены в отдельные корпуса, располагавшиеся в Сибири, на Кавказе и Оренбургской пограничной линии [1, с. 92]. В этой группе оказался и руководитель радикально-демократического крыла польского освободительного движения Петр Высоцкий.

В период между восстаниями в Сибирь попала большая группа заговорщиков из Царства Польского и Западного края Российской империи. Первыми были участники партизанского выступления Юзефа Заливского в 1833 г. Позднее там же оказались конарщики и члены Союза польского народа. После 1843 г. в Сибирь поэтапно шли участники заговора Петра Сцегенного, событий 1846 г. и Весны народов. Затем, в 1850 г. в сибирской ссылке оказались заговорщики из Братского союза литовской молодежи. Трудно определить, сколько молодых людей с земель бывшей Речи Посполитой «познакомились» с Сибирью. Викторией Сливовской удалось установить около 3,5 тыс. имен, а еще примерно для 2,5 тыс. она составила краткие биографии [2; 3].

Ссылки в период между восстаниями оказались лишь прелюдией того, что произошло в 1861–1866 гг. В Сибири ока-

залось множество участников религиозно-патриотических манифестаций 1861 г., а затем вооруженной борьбы 1863–1864 гг. В сумме в глубь Российской империи было отправлено свыше 40 тыс. преимущественно молодых людей [4], из которых 20 тыс. были сосланы в Восточную и Западную Сибирь.

В результате царских манифестов 1866–1883 гг. абсолютное большинство выживших осужденных вернулось из Сибири. Определенная же группа не воспользовалась амнистией. Некоторые остались, потому что нашли здесь для себя лучшие условия жизни (это касалось преимущественно крестьян) или успели создать семьи и вошли в здешний ритм жизни.

Новый этап в истории польской диаспоры в Сибири начинается с активистов польских революционных и социалистических кружков. С конца 70-х гг. и до первой половины 80-х гг. XIX в. в ссылке оказались около 150 человек [5, Indeks nazwisk], в том числе Вацлав Серошевский, Ян Хласко, Филиппина Пласковицкая, Людвиг Янович, Тадеуш Рехневский, Генрик Дулемба и Феликс Кон. Также в Сибирь была отправлена определенная группа молодых людей, а именно студентов и рабочих, связанных с деятельностью движения национального, а позже – социал-демократического. Среди них были братья Бронислав и Юзеф Пилсудские. Масштаб ссылки увеличился во время революции 1905 г., затем, вплоть до Первой мировой войны, неуклонно умень-

шался.

Количество поляков, сосланных за участие в освободительном и революционном движении от рубежа 70-х – 80-х гг. XIX в. до начала Первой мировой войны, совершенно несопоставимо с количеством ссыльных времен Январского восстания, и даже в период между восстаниями. Антоний Кучиньский утверждает, что под конец XIX в. в сибирской ссылке находилось около 300 человек [6, с. 115]. Указывая это количество, известный знаток истории польской диаспоры в Сибири, вероятно, имел в виду только поляков, высланных из Царства Польского, потому что, если также учитывать людей, проживавших на других территориях Российской империи, эту цифру стоило бы увеличить как минимум вдвое, и цифра в 600 ссыльных не была бы завышена. Нет сомнений, что проблема определения размаха ссылки поляков в Сибирь в этот период еще ждет своего исследователя².

В XIX в. заключенных, как политических, так и уголовных, разделяли на пять категорий. Отнесенных к первой категории ссылали на каторгу в солеварни, на металлургические заводы или на тяжелые строительные работы. Вторую категорию составляли сосланные на поселение. Царская пенитенциарная система предполагала, что ссылка должна быть пожизненной, и осужденные уже никогда не смогут вернуться домой. Третья категория – осужденные на жительство. Такие люди могли вернуться в родные места после отбытия наказания. Следующую категорию составляли осуж-

денные в арестантские роты, представлявшие собой вид исправительных трудовых лагерей; пятую категорию – сосланные на «поселение» (водворение). Этот тип репрессий чаще всего применялся к крестьянам. Он был, кстати, одной из форм колонизации слабо заселенных областей Сибири. В период между восстаниями для заговорщиков существовала еще одна форма наказания – ссылка на военную службу в батальоны, расположенные в Сибири, на Кавказе и Оренбургской пограничной линии. После вступления в силу военных реформ Дмитрия Алексеевича Милютина эта форма наказания была отменена.

Долгое время польское общество черпало знания о судьбах соотечественников, сосланных за политическую деятельность только из мемуаров, опубликованных в эмиграции или во Львове, Кракове и Познани. Первую попытку рассмотреть вопрос о польской ссылке предпринял в 80-е гг. XIX в. Сигизмунд Либрович, писатель и публицист, работавший в основном в Петербурге³ [7]. Сорок лет спустя читатель получил заметно более фундаментальное исследование – публикацию Михала Яника *История поляков в Сибири* [8]. В межвоенный период у автора не было возможности посетить российские архивы, поэтому его работа основана на скрупулезном исследовании всех известных ему мемуаров. Книга Яника, несмотря на одностороннюю источниковую базу, и по сей день не утратила своего значения⁴.

После Второй мировой войны на протяжении многих

лет польским историкам было сложно добраться до московских и ленинградских архивов, не говоря уже о сибирских. Главным образом на основании мемуаров и дневников, при незначительном использовании работ российских историков, сначала дореволюционных, а затем советских, была написана работа Владислава Евсевицкого *В сибирской ссылке*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.